

Глава 131. «Поцелуй.»

Над областью Цянькунь расцветали фейерверки.

Люди, которым предстояло расстаться, махали друг другу руками, а потом разворачивались и исчезали в толпе.

Фонари, расписанные бесчисленными горами, реками и пейзажами четырёх времён года, просвечивали сквозь бумагу тёплым оранжево-красным светом. Покачиваясь в руках красавцев и красавиц, они мягко скользили мимо чужих рукавов, тянулись через шумную длинную улицу, пролетали мимо деревьев в цвету и наконец останавливались рядом с тем, к кому хотели прийти.

Ослепительные фейерверки распускались на чёрном небосводе и отражались в полных восторга глазах.

Внизу, у павильона Шаньхай, бесчисленные люди запрокидывали головы, любуясь этим великолепным свитком, раскинувшимся по всему небу. А на самом павильоне, в месте, где никого быть не должно, тем временем появился один человек.

Сидевший на крыше Фу Линцзюнь спокойно смотрел на праздничное великолепие перед собой, а затем вынул из объятий спящего маленького комочка. Мягкий пушистик крепко спал; голова у него всё время норовила клюнуть вниз, и без опоры на грудь Фу Линцзюня качалась бы из стороны в сторону.

— Хорошо спится?

Бледные пальцы бережно погладили мягкое длинное ушко зверька.

Цзян Тан, разумеется, всё ещё спал тёплым сладким сном, проваливаясь из одного прекрасного сновидения в другое.

Голоса Фу Линцзюня он не слышал, но ухо вдруг нестерпимо защекотало. Щекотка началась с самого кончика, будто хотела разойтись дальше — по всему телу, до самых глубин сердца.

Между длинных пальцев медленно возник маленький золотисто-алый феникс. Он ласково потёрся о подушечку пальца, потом клюнул спящего пушистика, а затем обратился в луч света и скользнул в его тело.

За три года заботы извлечённая кость судьбы наконец окончательно срослась с этим телом. Пушистый комочек, прежде умещавшийся на ладони, вырос, шерсть стала ещё гуще, мягче и глаже, а по ней словно разливался тихий тёплый свет. От этого он казался ещё милее.

Фу Линцзюнь опустил взгляд на пушистика у себя на руках, и ему почудилось, будто перед ним снова стоит улыбающийся юноша, показывает на вспыхивающие в небе фейерверки и взволнованно говорит:

— Быстрее, загадывай желание!

И, сказав это, непременно складывал ладони вместе и с необычайно серьёзным видом закрывал глаза.

Он уверял, что желания нельзя произносить вслух, иначе они не сбудутся, и потому ни одного не раскрывал. Но когда он загадывал желания, мысленно проговаривая их на языке другого мира и одновременно беззвучно повторяя губами то, чего хочет, он был слишком незащищён, и потому Фу Линцзюнь всё равно знал его желания.

Мир юноши был удивительно прост и полон одной только доброты и света.

«Я надеюсь, что Фу Линцзюнь сможет получить всё, чего желает. Что бы он ни хотел сделать, сколько бы опасностей ни ждало его впереди, пусть он всякий раз минует беду и всё у него идёт гладко». Когда он загадывал это желание, лицо у него становилось особенно серьёзным, будто он боялся, что небеса не услышат, и потому даже каждое слово мысленно выговаривал чётче обычного.

И всё это было почти смешно. То, чего хотел Фу Линцзюнь, вовсе не относилось к числу хороших дел. Желать, чтобы у него всё шло гладко, значило желать, чтобы он без помех устроил всем вокруг большую беду.

«Пусть все мои друзья рядом будут живы, здоровы и невредимы», — загадывал юноша дальше.

Это желание, впрочем, кое о чём напомнило Фу Линцзюню: в его расчётах ещё оставался Хуай Чэнъинь с его предельно иньским телом. Судя по всему, тот был с Цзян Таном довольно близок — всякий раз, когда ел что-нибудь, непременно делился куском. Если бы Хуай Чэнъинь умер, Цзян Тан, пожалуй, расстроился бы так, что и есть перестал.

Перед тем как перейти к последнему желанию, юноша невольно покраснел.

Кожа у него и без того была белой и тонкой, а стоило ему смутиться, как щёки мгновенно заливал румянец. Это выглядело так мило и красиво.

«Я хочу всегда быть вместе с Фу Линцзюнем».

Под всполохами фейерверков его пылающее румянцем лицо казалось особенно ослепительным.

Фу Линцзюню почудилось, будто он снова видит самого себя в тот миг, когда услышал эти слова: как у него высоко вздёрнулись уголки губ и как во взгляде осталось только это простодушное, до смешного искреннее дитя.

Но в следующее мгновение тот юноша исчез, и в руках у него снова остался лишь тёплый пушистый комочек.

Маленький. Мягкий. Сладко спящий.

Фу Линцзюнь погладил мягкое ушко пушистика, потом провёл рукой по гладкой шерсти и остановился на пышном хвосте.

Так он и просидел, обнимая Цзян Тана и глядя на великолепный фейерверк, пока небо снова не погрузилось в тишину. Тогда он бесшумно спустился вниз, всё так же держа его на руках.

— Пойдём.

Он посмотрел на Сян Сина.

Простодушный великан всё ещё не отводил глаз от одной стороны. Там уже давно никого не было, но Сян Син по-прежнему не хотел смотреть в другое место.

Услышав, что хозяин собирается идти, он лишь нехотя повернул голову:

— Да, хозяин.

И, тяжело ступая так, что дрожала земля, пошёл следом.

Цзян Тан потом просыпался ещё несколько раз.

Он не знал, сколько прошло времени и что происходило вокруг, но чувствовал: с каждым новым пробуждением сознание становилось чуть яснее.

В этот раз он проснулся весной.

Ветер прилетал откуда-то издали, неся с собой мягкое тепло и запах цветов.

Он по-прежнему лежал в тёплых объятиях, весь укутанный приятным холодным ароматом.

На этот раз он, кажется, пробыл в сознании чуть дольше. Слышал, как рядом с ними журчит

ручей; как с дерева падает плод, ударяется о землю и раскалывается, а затем из трещины начинает струиться сладкий, густой запах.

Поддавшись жажде этого сладкого плода, Цзян Тан снова погрузился в сон.

Для него это было как один миг сна, но воздух вокруг к следующему пробуждению стал уже куда жарче.

Летнее солнце палило так, что люди обливались потом, но Фу Линцзюнь укрывал его тонким слоем света, и вся жара оставалась снаружи.

На этот раз Фу Линцзюнь, похоже, столкнулся с каким-то хлопотным делом.

Потому что Цзян Тан слышал множество голосов.

— В Юаньцане обрушилась одна гора, а под бескрайним снегом вдруг открылся какой-то жуткий великий массив. Всего за десять дней он превратил весь Юаньцань в город духов...

— Сейчас главная беда в том, что сильные заклинатели не разбираются в рунических формациях, а мастера рун слишком слабы. Внутри им не войти.

— Что значит «сильные»? Разве мастер рун Линь не прорвался за последние годы на уровень бессмертного Дао?

— Ну и что с того, что бессмертный Дао? Глава Янь уже однажды входил туда, и этого оказалось мало. Нужно как минимум достичь ступени святого, чтобы идти вместе с ним.

— А? То есть нужен святой, да ещё и сведущий в рунических формациях? Тогда забудьте. Где вообще такого взять?

После этих слов все вдруг разом умолкли.

Лишь спустя некоторое время кто-то неуверенно пробормотал:

— А Фу Шэн... разве он не особенно силён в рунических формациях?

Снова повисло молчание.

Потом раздался другой, полный растерянности голос:

— Ты спятил? Как ты вообще додумался до него? Забыл, что у него в руках до сих пор огни жизни стольких глав домов, старейшин и глав сект!

Услышав это, кто-то другой неторопливо возразил:

— Ну и что? Прошло уже десять лет. У него всё это время было тихо и спокойно, и вовсе не похоже, будто он собирается устроить большую беду.

Эти заклинатели и представить себе не могли, что человек, о котором они судачат, сидит за соседним столом в чайной.

Фу Линцзюня, казалось, вовсе не волновало, что о нём говорят. Он спокойно слушал, попивая чай. Допив, расплатился и ушёл.

Те заклинатели в чайной не знали, под каким обликом скрывается Фу Линцзюнь, зато были и такие, кто знал.

Е Чжэнвэнь в последние годы тренировался всё усерднее и с поразительной скоростью прорвался на следующую ступень, понемногу приобретая вид первого человека среди молодого поколения. По поручению дяди он нашёл Фу Линцзюня и с предельной искренностью пригласил его в школу Лянъи побеседовать.

На этом месте Цзян Тана начало клонить в сон, но, чтобы узнать, что будет дальше, он всё же изо всех сил заставил себя ещё немного послушать.

Фу Линцзюнь последовал за Е Чжэнвэнем в школу Лянъи. Вокруг, то ближе, то дальше, ученики почтительно звали Е Чжэнвэня старшим братом.

Похоже, жил он там и правда весьма неплохо.

Цзян Тан не выдержал и всё же задремал. Но на этот раз сон не утянул его надолго — он снова проснулся, только некоторые разговоры всё-таки пропустил. К этому времени Фу Линцзюнь уже вёл переговоры с Янь Цунси.

— Цзieme? — в голосе Янь Цунси слышалось затруднение. Он, конечно же, знал, что это за благовоние. Десять лет назад Цзян Чанъюань уже пытался с помощью благовония Цзieme выманить Фу Линцзюня на Собрание Небесных Дарований и удержать его там смертоносной формацией.

Да только всё тогда пошло наперекосяк. В ловушке оказался вовсе не Фу Линцзюнь, а они сами.

— Я не могу обещать, что непременно сумею его найти, — со вздохом сказал Янь Цунси. — Но сделаю всё, что в моих силах.

И тогда Цзян Тан услышал знакомый, приятный голос своего красавца:

— Когда отдашь мне эту вещь, тогда я и пойду с тобой.

Янь Цунси помолчал и ответил:

— Хорошо.

После этого Цзян Тан снова уснул.

Он боролся с этой затянувшейся спячкой уже очень долго. Проспав столько времени, его душа будто тоже стала немного сильнее. Если он по-настоящему хотел проснуться, то мог ненадолго вынырнуть в явь.

Так он обрывками слышал, как Янь Цунси отыскал благовоние Цзиме среди вещей, некогда запечатанных Цзян Чаньюанем; как они вдвоём отправились в Юаньцань, ставший городом духов; как плакал, словно призрак, ветер. Слышал, как Янь Цунси едва не погиб. Как Фу Линцзюнь его спас.

А потом, когда всё закончилось и они вернулись, слышал, как заклинатели почтительно зовут его господином Юйанем.

— Благодарим господина Юйаня за помощь! — кажется, говорил глава рода Шу из Юаньцаня. Он рыдал, размазывая по лицу сопли и слёзы, и совсем не походил на властного главу дома. — Юаньцань смог воспрянуть к жизни только благодаря тому, что господин Юйань сохранил доброту в сердце и проявил великое человеколюбие и праведность!

Когда Цзян Тан услышал эти слова, он всё ещё находился где-то между сном и явью. Но стоило ему уловить обращение «господин Юйань», как сознание сразу стало яснее.

Это уже не был мир зеркальных цветов и водяной луны, а в настоящем мире люди тоже называли его господином Юйанем — и от этого у Цзян Тана на душе стало странно, удивительно хорошо, тепло и спокойно.

Впрочем, самому Фу Линцзюню все эти красивые названия были безразличны.

Ему было нужно Цзиме. Янь Цунси добыл его. Вот так он и сосуществовал с людьми этого мира.

Фу Линцзюнь, всё так же нося на руках пушистый комочек, вместе с ним прошёл через десять лет гор, рек и смены времён года — и наконец снова вернулся в долину Тяньбэй.

Была уже ночь.

На первый взгляд всё выглядело почти так же, как когда-то в земле вечной ночи.

Только за долгие годы склоны и поляны в долине Тяньбэй покрылись густой зеленью и дикими цветами.

Самовольно разросшаяся жизнь сделала эту долину удивительно живой. Ветер принёс с собой лето, полное стрекота насекомых, шумное и чуть надоедливое.

Где-то вдалеке перекликались птицы, перепрыгивая по высоким ветвям.

Когда двое людей и один зверёк шли через равнину, они вспугнули целые тучи светлячков, спавших в траве.

Сян Син всё ещё нёс на себе демоническую ауру злого духа, от которой все живые существа испытывали страх и отвращение. Поэтому звёздная река, будто накрывавшая эту равнину перевёрнутым небом, вздрогнула и, заматавшись, расступилась в стороны, образовав рядом с ними трещину, по которой могли пройти возвращающиеся домой.

В тот миг, когда они проходили мимо, Цзян Тан услышал бесчисленные, чужие и в то же время знакомые мягкие голоса.

— Ой, злой дух!

— Скорее бежим!

— Но... как вкусно пахнет.

— Правда вкусно. От него так вкусно пахнет.

— Как оно оказалось вместе со злым духом?

— Бедняжка, а вдруг злой дух его съест?

— Не съест, наверное. Его же держат на руках. Там нет злого духа.

— Злой дух сзади.

— ...

Когда голосов становилось слишком много, Цзян Тану казалось, будто он просто не успевает всё расслышать.

Такое чувство у него давно уже не возникало. Он ужасно по нему соскучился и потому слегка приподнял уши, стараясь уловить ещё хоть несколько фраз.

Мягкое пушистое ухо скользнуло по холодным пальцам Фу Линцзюня.

Он внезапно замер.

— Они остановились!

— И злой дух тоже остановился!

— Бежим, бежим быстрее!

— Я за него волнуюсь...

Тусклые огоньки светлячков текли по ночи рассыпанными звёздами и от этого движения снова разбегались в стороны.

Сердце Фу Линцзюня, казалось, пропустило удар.

Он нерешительно коснулся пальцами мягкого длинного уха пушистика.

— Тан-Тан, — позвал он.

Ухо пушистика дрогнуло ещё раз, словно отзываясь на его голос.

Точно как эта разомкнувшаяся в чёрной ночи звёздная река.

В тёмном мире Фу Линцзюня тоже будто разошлась трещина.

И в неё мягко пролился луч света.

Бледные пальцы едва заметно задрожали.

Голос Фу Линцзюня охрип. Спустя долгое мгновение он поднёс пальцы к губам пушистика:

— Поцелуй.

И тут же его коснулось что-то влажное, мягкое, щекотно-онемевшее.

— Иу-у... — Цзян Тан с огромным трудом приоткрыл глаза и поцеловал кончики его пальцев.

Конец основной истории.

<http://bllate.org/book/17032/1724025>